

НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД

АУТЕНТИЧНЫЙ ТЕКСТ РАЗМЕЩЕН
НА САЙТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

www.echr.coe.int

В РАЗДЕЛЕ HUDOC

ТРЕТЬЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО «МИЛИНОВ против РОССИИ»

(Жалоба № 51165/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

г. СТРАСБУРГ

Вынесено и вступило в силу
24 сентября 2019 года

*Данное постановление является окончательным, но может быть
подвергнуто редакционной правке.*

По дело «Милинов против России»

Европейский Суд по правам человека (Третья Секция), заседая Комитетом, в состав которого вошли:

Пауло Пинто де Альбукерка, *Председатель*,

Хелен Келлер,

Мария Элосеги, *судьи*,

и Стефен Филлипс, *Секретарь Секции*,

проведя заседание за закрытыми дверями 3 сентября 2019 года,

вынес следующее постановление, утвержденное в вышеуказанную дату:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было возбуждено по жалобе (№ 51165/08), поданной в Суд против Российской Федерации в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — «Конвенция») гражданином Российской Федерации Аскребием Шабановичем Милиновым (далее — «заявитель») 13 августа 2008 года.

2. Интересы заявителя в Суде представлял В. Гайдаш, адвокат, практикующий в г. Краснодаре. Интересы властей Российской Федерации (далее — «Власти») представлял Г. О. Матюшкин, Уполномоченный Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека, а впоследствии — его преемник на этом посту М. Л. Гальперин.

3. Заявитель утверждал, в частности, о нарушениях права на свободу выражения мнения и права на свободу.

4. Уведомление о данной жалобе было направлено Властям 22 марта 2013 года.

ФАКТЫ**I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА**

5. Заявитель, 1941 года рождения. В период рассматриваемых событий он проживал в г. Майкопе Республики Адыгея.

А. События 26 сентября 2007 года

6. Утром 26 сентября 2007 на главной площади г. Майкопа проводился митинг, посвященный 450-летней годовщине мирного объединения Адыгеи с Россией.

7. В 10:00 заявитель вышел на площадь с плакатом с надписью «За что истребили и выгнали мой прекрасный, благородный народ?», чтобы выразить свое несогласие с официальным толкованием исторических событий (по его мнению, объединение с Россией не было добровольным решением народа Адыгеи). Почти сразу же к нему подошел мужчина в милицейской форме, а также мужчина в штатском. Второй из них представился сотрудником Федеральной службы безопасности (далее — «ФСБ») и потребовал, чтобы заявитель покинул митинг. Заявитель спросил, почему ему предъявлено такое требование, а сотрудник ФСБ вырвал у него плакат и схватил его за правую руку. Тем временем сотрудник милиции в форме вывернул левую руку заявителя за спину. Затем два сотрудника отвели заявителя в припаркованный рядом микроавтобус, где стояла большая группа сотрудников полиции. Заявитель почувствовал боль в правом плече и закричал.

8. Когда они подошли к микроавтобусу, сотрудники милиции записали паспортные данные заявителя. Один из сотрудников, Г., проводил заявителя до его припаркованной машины и приказал ему уезжать.

9. Около 15:00 заявитель прибыл домой и увидел у своего дома Г. и еще одного сотрудника милиции Н. Г. потребовал, чтобы заявитель сел в милицейскую машину, чтобы поехать в отделение внутренних дел города Майкопа (далее — «отделение милиции»), потому что начальник отделения милиции хотел провести с ним «профилактическую работу». Заявитель подчинился приказу, поскольку опасался, что в противном случае сотрудники милиции применят силу. По дороге в отделение милиции автомобиль заехал в медицинскую лабораторию, где заявитель прошел тест на алкоголь, который показал, что он не находился в состоянии алкогольного опьянения.

10. В 16:00 Г. проводил заявителя в отделение милиции, завел его в кабинет, предназначенный для обучения сотрудников милиции, во время нахождения на дежурстве (далее — «учебный кабинет»), и сказал ему подождать, пока его вызовут на беседу с начальником отделения милиции.

11. Прождав там коло часа, заявитель решил покинуть отделение милиции. Он подошел к дежурному сотруднику Ш. и спросил, почему его задержали без составления какого-либо протокола. Шиллинг позвонил своему начальству, сообщил заявителю, что он не получил

разрешения на его освобождение, и велел ему вернуться в учебный кабинет. Заявитель не мог покинуть отделение милиции без разрешения Ш., поскольку у того находился его паспорт, а выход охранялся вооруженным сотрудником милиции.

12. Через два часа заявитель снова спросил Ш., может ли он уйти. Шиллинг сделал еще один звонок и сказал, что не получил разрешения на освобождение заявителя.

13. В какой-то момент в отделение милиции приехала дочь заявителя. Она пожаловалась на то, что ее отца задержали произвольно.

14. В 19:40 Ш. получил от начальства разрешение отпустить заявителя. Он вернул заявителю паспорт, и велел вооруженному сотруднику милиции пропустить заявителя и его дочь.

15. В тот же день заявитель направился в травматологический центр, где дежурный врач записал его жалобы на боль в правом плече. У заявителя было диагностировано растяжение мышц правого плеча, и ему было назначено лечение.

В. Последующие события

1. Жалобы заявителя в адрес властей

16. 1 октября 2007 года заявитель попросил Бюро судебно-медицинской экспертизы Республики Адыгея выдать заключение о происхождении травмы его плеча. Заключение эксперта от 24 декабря 2007 года подтвердило диагноз – растяжение мышц, скорее всего, произошедшее в результате «необычного и неправильного движения лопатки».

17. Заявитель подал в следственное управление прокуратуры г. Майкопа жалобу на жестокое обращение со стороны сотрудников милиции и его незаконное задержание 26 сентября 2007 года.

18. 2 ноября 2007 года старший следователь следственного управления отказал в возбуждении уголовного дела, не найдя достаточных доказательств жестокого обращения для возбуждения дела. В частности, следователь отметил, что заявитель не был задержан в административном порядке или признан виновным в совершении административного правонарушения, а лишь был доставлен в отделение милиции, поскольку пугал детей своим плакатом и своим видом.

19. Заявитель подал жалобу на решение от 2 ноября 2007 года начальнику следственного управления, которые 11 февраля 2008 года оставил это решение без изменений.

2. Гражданское судопроизводство по иску о компенсации морального вреда

20. Заявитель подал гражданские иски против Министерства внутренних дел Республики Адыгея, Департамента ФСБ по Республике Адыгея и Министерства финансов Российской Федерации, требуя компенсации морального вреда, причиненного ему в результате действий сотрудников милиции и ФСБ 26 сентября 2007 года — жестокое обращение, незаконное задержание и вмешательство в его свободу выражения мнения.

21. 24 января 2008 года Майкопский городской суд (далее — «городской суд») отказал в удовлетворении исков, аргументируя отказ следующим образом:

«... Как установил суд, Администрация Президента и Кабинет министров Республики Адыгея назначили проведение митинга на 10:00 26 сентября 2007 года; это митинг была посвящен 450-летней годовщине добровольного объединения Адыгеи с Россией. ... Митинг был начат с небольшим опозданием. 26 сентября 2007 года истец пришел на площадь раньше, принес с собой плакат [с надписью] «За что истребили и выгнали мой прекрасный, благородный народ?». При этом он решил встать на месте, где находились [дети]. [Истец] не проинформировал организаторов встречи об этой акции. [Его] действие не соответствовало цели публичного мероприятия. Принимая во внимание существующие исторические традиции и обычаи праздников и памятных дат и [учитывая] их важный социальный и политический характер, законом Республики Адыгея ... в Республике Адыгея утверждены специальные праздники и памятные даты. Один из них 21 мая – День памяти и скорби по жертвам Кавказской войны 19 века. 21 мая действия Милинова могли быть приемлемыми.

Более того, истец, одетый в темное, находился рядом с маленькими детьми из художественных групп; он держал плакат с протестом против события, на празднование которого собралась большая группа людей, руководители Республики Адыгея и множество гостей из других регионов Российской Федерации. Поэтому поведение истца не могло не привлечь внимания [представителей] государственных органов, которым было поручено поддерживать общественный порядок на мероприятии. Как объяснил сам Милинов, он ожидал подобной реакции.

Подойдя к истцу сзади, сотрудники милиции обратились к нему, что вызвало неадекватную реакцию с его стороны. Как истец объяснил на судебном слушании, он в грубой форме спросил сотрудников милиции, [что им нужно и означало ли это, что вернулись времена Ежова и Берии]. Истца попросили отдать плакат; он проигнорировал требование, и плакат забрали у него силой. Истец был возмущен; его окружали маленькие дети и их родители, которые, в свою очередь, начали выражать свое неодобрение действий истца. Истца попросили отойти в сторону, чтобы дать объяснения; однако эту просьбу сотрудников милиции он также проигнорировал.

...

Действия Милинова, включая его грубый ответ, последовавший на просьбу милиции выйти из группы детей, требовал принятия сотрудниками милиции

законных и обоснованных действий ..., в частности: [он] был выведен из толпы для установления его личности и получения от него объяснений касательно надписи на его плакате.

...

... довод истца о том, что он был задержан незаконно, является необоснованным и не соответствует действительности, поскольку [он] абсолютно добровольно согласился пройти в отделение милиции. Его никто не принуждал [к этому]; дежурные сотрудники милиции в отделении просто говорили истцу, который несколько раз подходил к ним, что начальник отделения милиции попросил подождать его. Если бы он захотел, то [истец] мог бы покинуть отделение милиции в любое время в течение упомянутых им трех часов и сорока минут, что он в конечном итоге и сделал. Он оставался в учебном кабинете в отделении милиции, а не в камере для административно задержанных лиц, и он несколько раз свободно выходил во двор отделения милиции, чтобы покурить.

При таких обстоятельствах требование Милинова о возмещении морального вреда следует отклонить на основании его явно необоснованного характера».

22. 22 февраля 2008 года Верховный Суд Республики Адыгея (далее — «Верховный Суд») оставил постановление от 24 января 2008 года без изменений по апелляции, полностью поддержав аргументацию городского суда. В частности, Верховный Суд поддержал вывод городского суда о том, что сотрудники милиции правильно отреагировали на «отказ заявителя выйти из группы детей» и вывели его из толпы, чтобы установить его личность, и что заявитель не предоставил никаких доказательств в поддержку его утверждения о том, что действия милиции были незаконными. Верховный Суд также установил, что время, которое заявитель провел в отделении милиции (три с половиной часа), не являлось лишением свободы, так как заявитель добровольно проследовал с сотрудниками милиции в отделение, находился в учебном кабинете, а не в камере, свободно передвигался по территории отделения милиции, выходил во двор, чтобы покурить, пользовался мобильным телефоном и беспрепятственно ушел из отделения милиции.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА

23. Статья 29 Конституции Российской Федерации гарантирует свободу мысли и слова, свободу получать и распространять информацию, а также свободу массовой информации.

24. Пункты 1 и 2 части 3 статьи 6 Федерального закона № 54-ФЗ от 19 июня 2004 года «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (далее — «Закон о публичных мероприятиях»), в редакции, действовавшей в период рассматриваемых событий,

предусматривали, что участники публичного мероприятия должны выполнять все законные требования: организатора публичного мероприятия и лиц, уполномоченных организатором, представителя исполнительной власти субъекта Российской Федерации или муниципального органа, а также сотрудников милиции. Участники публичного мероприятия также должны соблюдать правила общественного порядка и регламент проведения публичного мероприятия.

25. Пункт 1 статьи 18 Закона о публичных мероприятиях гласит, что организатор публичного мероприятия, должностные лица и другие граждане не вправе препятствовать участникам публичного мероприятия в выражении своих мнений способом, не нарушающим общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия.

ПРАВО

I. ПРАВО ОБРАЩЕНИЯ В СУД

26. Суд отмечает, что заявитель умер 1 мая 2015 года, и его вдова, Гошнаго Асланчериевна Милинова, выразила желание продолжить рассмотрение жалобы.

27. Получив предложение представить свои комментарии по этому вопросу, Власти уведомили Суд в письме от 13 мая 2019 года, что они оставляют вопрос об участии Милиновой в разбирательстве на усмотрение Суда.

28. Суд напоминает, что если заявитель умирает в ходе рассмотрения дела, то его преемники в принципе могут добиваться рассмотрения жалобы от его имени (см. постановление Суда по делу «Йечюс против Литвы» (*Ječius v. Lithuania*), жалоба № 34578/97, пункт 41, ECHR 2000-IX). В ряде дел, в которых заявитель умер в ходе разбирательства, Суд принимал во внимание заявления наследников заявителя или членов его семьи, которые изъявляли желание продолжить рассмотрение дела в Суде (см., например, постановление Суда от 17 июля 2007 года по делу «Ханбаят против Турции» (*Hanbayat v. Turkey*), жалоба № 18378/02, пункты 20-21; постановление Суда от 17 января 2012 года по делу «Сердахейи против Венгрии» (*Szerdahelyi v. Hungary*), жалоба № 30385/07, пункты 19-22; постановление Большой Палаты Европейского Суда по делу «Яновец и другие против России» (*Janowiec and Others v. Russia*), жалобы №№ 55508/07 и 29520/09, пункты 97-101, ECHR 2013; и постановление Суда от 20 февраля 2014 года по делу «Носов и другие против России»

(*Nosov and Others v. Russia*), жалобы №№ 9117/04 и 10441/04, пункты 28-30). В частности, Суд признал право вдовы умершего заявителя добиваться рассмотрения жалобы, касающуюся осуществления права на свободу выражения мнения (см. постановление Большой Палаты по делу «Далбан против Румынии» (*Dalban v. Romania*), жалоба № 28114/95, пункт 39, ECHR 1999- VI).

29. В настоящем деле вдова заявителя представила документы, подтверждающие, что она является его вдовой и наследником. При таких обстоятельствах Суд считает, что она имеет законный интерес в участии в рассмотрении жалобы вместо своего покойного мужа.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 10 КОНВЕНЦИИ

30. Заявитель жаловался на то, что ему не было позволено высказать свое мнение на публичном мероприятии 26 сентября 2007 года. Изначально он ссылаясь на статью 11 Конвенции. Согласно принципу *jura novit curia* («суд знает законы»), Европейский Суд не обязан придерживаться законных оснований, приведенных заявителем в рамках Конвенции и Протоколов к ней, и вправе самостоятельно решать, какой закон должен быть применен к обстоятельствам жалобы с учетом результатов ее рассмотрения в свете других, не указанных заявителем статей или положений Конвенции (см. постановление Европейского Суда от 20 марта 2018 года по делу «Радомилья и другие против Хорватии» (*Radomilja and Others v. Croatia*), жалобы №№ 37685/10 и 22768/12, пункт 126). Таким образом, Суд рассмотрит жалобу заявителя с точки зрения статьи 10 Конвенции, принимая во внимание общие принципы, установленные им в контексте статьи 11 (см. постановление Суда от 26 апреля 2016 года по делу «Новикова и другие против России», (*Novikova and Others v. Russia*), жалоба № 25501/07 и 4 другие жалобы, пункт 91, с дальнейшими ссылками).

31. Статья 10 Конвенции в части, относящейся в настоящему делу, гласит:

«1. Каждый имеет право свободно выражать свое мнение. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без какого-либо нарушения со стороны органов государственной власти и независимо от государственных границ. ...

2. Осуществление этих свобод, налагающее обязанности и ответственность, может быть сопряжено с определенными формальностями, условиями, ограничениями или санкциями, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной целостности или общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, для охраны здоровья и нравственности, защиты репутации или прав других лиц, предотвращения разглашения информации, полученной конфиденциально, или обеспечения авторитета и беспристрастности правосудия».

А. Заявления сторон

1. Власти

32. Оспаривая жалобу заявителя, Власти представили следующие доводы.

33. Заявитель пришел на праздничный митинг с плакатом, содержание которого не соответствовало целям митинга. Он был одет в темную одежду и стоял рядом с маленькими детьми, которые выступали на митинге. По утверждению Властей, такое поведение «не могло не привлечь внимание сотрудников майкопской милиции, которые отвечали за обеспечение общественной безопасности и предотвращение нарушений административного законодательства ...»

34. Сотрудники милиции предложили заявителю отойти в сторону и выйти из толпы, но он отказался сделать это. Затем сотрудники милиции попросили его отдать им плакат; заявитель отреагировал агрессивно. Сотрудники милиции силой вывели заявителя из толпы и пригласили его пройти в отделение милиции для «профилактической беседы». Заявитель добровольно пошел в отделение милиции и согласился дожидаться прибытия начальника отделения милиции. Находясь в отделении милиции, заявитель свободно перемещался внутри здания, разговаривал по мобильному телефону и мог уйти в любой момент. В конце концов он покинул здание без каких-либо препятствий. В заключение Власти указали, что заявитель не был лишен свободы.

35. Согласно Закону о публичных мероприятиях участники публичного мероприятия должны выполнять все законные требования: организатора публичного мероприятия и лиц, уполномоченных организатором, представителя исполнительной власти субъекта Российской Федерации или муниципального органа, а также сотрудников милиции. Участники публичных мероприятий также должны соблюдать регламент публичного мероприятия и правила поведения в обществе.

36. Право заявителя было ограничено, поскольку его действия не соответствовали «цели публичного мероприятия». Заявитель препятствовал праву на мирные собрания тех, кто собрался на празднование.

37. Сотрудники милиции не запрещали заявителю делать что-либо, а лишь пресекли его попытки помешать празднованию своими громкими криками и ненадлежащим поведением. Необходимо было вывести заявителя из толпы, чтобы установить его личность и «[уточнить] обстоятельства, связанные с содержанием его плаката».

38. Заявитель мог провести одиночное пикетирование в любом другом месте Майкопа или в том же месте, но в другое время.

39. Таким образом Власти утверждали, что жалоба заявителя является явно необоснованной.

2. Заявитель

40. Заявитель продолжал настаивать на своей жалобе. По его мнению, прерывание его участия в митинге представителями государства являлось вмешательством в его свободу выражения, которое не было ни «законным», ни «необходимым в демократическом обществе».

41. Заявитель утверждал, что он присутствовал на митинге 26 сентября 2007 года, чтобы выразить альтернативную точку зрения относительно истории присоединения Адыгеи к России, а именно, что объединение не было добровольным или мирным для народа Адыгеи, и фактически являлось результатом ста лет военных действий. Заявитель написал плакате вопрос, надеясь получить ответ от организаторов праздничного митинга. Он стоял тихо, ожидая реакции и, возможно, шанса высказаться.

42. Заявитель отправился в отделение милиции по приказу сотрудников милиции, то есть недобровольно. Он предпочел не отделение милиции, охраняемое вооруженным автоматом сотрудником, без специального разрешения дежурного, чтобы избежать наказания за непослушание.

43. Действия заявителя полностью соответствовали требованиям Закона о публичных мероприятиях, пункт 1 статьи 18 которого гарантировал, что организатор публичного мероприятия не вправе препятствовать участникам публичного мероприятия в выражении своих мнений способом, не нарушающим общественного порядка и регламента проведения публичного мероприятия.

44. Сотрудники ФСБ и милиции помешали заявителю принять участие в митинге и высказать свое мнение. Единственным основанием для этого послужил тот факт, что он был одет в темную одежду и что надпись на его плакате почему-то мешала организаторам митинга. Представители государства публично унизили его, человека преклонного возраста, и применили к нему силу, что причинило ему физические и душевные страдания.

В. Оценка Суда

1. Приемлемость жалобы

45. Европейский Суд отмечает, что данная жалоба не является явно необоснованной в значении подпункта «а» пункта 3 статьи 35 Конвенции. Он также указывает, что она не является неприемлемой по

каким-либо иным основаниям. Следовательно, она должна быть признана приемлемой.

2. Существо жалобы

46. Суд прежде всего напоминает, что гарантированная пунктом 1 статьи 10 свобода выражения мнения является одной из важнейших основ демократического общества и одним из основных условий для его прогресса и самореализации каждого человека. При условиях, указанных в пункте 2, принцип свободы выражения мнения применим не только к «информации» и «идеям», которые благосклонно воспринимаются обществом или считаются им неоскорбительными либо воспринимаются с безразличием, но и к тем, которые оскорбляют, шокируют или возмущают общество. Таковы требования плюрализма, терпимости и необходимости придерживаться широких взглядов, без которых не может быть «демократического общества». Более того, статья 10 защищает не только содержание высказываемых идей и информации, но также и форму, в которой они сообщаются. Как установлено в статье 10, из этой свободы могут делаться исключения, которые при этом должны толковаться ограничительно, а необходимость в каких-либо таких ограничениях должна быть установлена со всей убедительностью (см. постановление Суда от 17 июля 2018 года по делу «Мария Алехина и другие против России» (*Mariya Alekhina and Others v. Russia*), жалоба № 38004/12, пункты 197-98).

47. Стороны по настоящему делу не оспаривали тот факт, что действия государственных должностных лиц, приведшие к прекращению выражения заявителем своего мнения посредством демонстрации плаката, представляли собой вмешательство в его право, гарантированное пунктом 1 статьи 10 Конвенции.

48. Суд напоминает, что для соответствия требованиям пункта 2 статьи 10 Конвенции вмешательство в право на свободу выражения мнения должно быть «предусмотрено законом», преследовать одну или несколько законных целей, перечисленных во втором абзаце этого положения и быть «необходимым в демократическом обществе» (см., среди многих других источников, постановление Большой Палаты от 17 мая 2016 года по делу «Карассони и другие против Венгрии» (*Karácsony and Others v. Hungary*), жалобы №№ 42461/13 и 44357/13, пункт 121).

49. Суд отмечает, что заявитель утверждал, что вмешательство не имело оснований во внутригосударственном праве, в то время как Власти ссылались на положение Закона о публичных мероприятиях, в котором говорится, что участник публичного мероприятия должен выполнять все законные требования, в частности, организатора мероприятия и сотрудников милиции (см. пункт 35 выше). Как бы то

ни было, принимая во внимание приведенные ниже выводы, Суд не видит необходимости в том, чтобы рассматривать вопрос о том, было ли вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения предусмотрено законом (см. постановление Суда от 15 января 2019 года по делу «Матасару против Республики Молдова» (*Mătăşaru v. the Republic of Moldova*), жалобы №№ 69714/16 и 71685/16, пункт 32). Кроме того, принимая во внимание утверждение Властей о том, что действия заявителя нарушали право на свободу собраний участников праздничного собрания (см. пункт 36 выше), Суд готов принять ради аргумента, что рассматриваемое вмешательство преследовало законную цель защиты прав других лиц. Остается проверить, было ли нарушение «необходимым в демократическом обществе».

50. Согласно устоявшейся практике Суда, проверка необходимости в демократическом обществе требует определения того, соответствовало ли обжалуемое вмешательство насущной социальной потребности, было ли оно соразмерно преследуемой законной цели и были ли обоснования, приведенные национальными властями для его оправдания, существенными и достаточными. Однако предоставленная национальным властям свобода усмотрения при оценке того, существует ли такая необходимость и какие меры должны быть приняты для ее удовлетворения, не является неограниченной, тесно связана с Европейским надзором Суда, задача которого состоит в том, чтобы принять окончательное решение о том, является ли ограничение совместимым со свободой выражения мнения, защищаемой статьей 10 Конвенции. Как указано выше, при осуществлении роли надзорного органа задача Суда заключается не в том, чтобы заменить собой внутригосударственные суды, а, скорее в том, чтобы с учетом обстоятельств дела в целом рассмотреть вопрос о том, совместимы ли решения, принятые в рамках этой свободы усмотрения, с положениями Конвенции, на которые они опираются (см. постановление Большой Палаты Европейского Суда от 27 июня 2017 года по делу «Сатакуннан Марккинапорсси Ой и Сатамедия Ой против Финляндии» (*Satakunnan Markkinapörssi Oy and Satamedia Oy v. Finland*), жалоба № 931/13, пункт 164).

51. Возвращаясь к обстоятельствам настоящего дела, Суд отмечает, что заявитель присутствовал на публичном мероприятии, открытом для всех. Он высказывал свои взгляды на исторические события, которые были темой праздничного митинга, взгляды, которые противоречили версии, поддерживаемой организаторами митинга. Стремясь получить ответ на вопрос, написанный на его плакате (см. пункт 41 выше), заявитель обратил внимание общественности на обратную сторону истории объединения России и Адыгеи, тем самым способствуя обсуждению вопроса, представляющего общественный

интерес. Надпись на плакате не носила оскорбительный или непристойный характер. Действия заявителя ни в коем случае не были насильственными или агрессивными. Государственные должностные лица (сотрудники ФСБ и милиции) решили вмешаться и прервать его действия через несколько минут после их начала. При этом они схватили заявителя за руки. Заявителю позволили уехать домой на своей машине. Однако, как только он подъехал к дому, его пригласили пройти в отделение милиции в милицейском автомобиле для «профилактической беседы» с начальником отделения. Он провел в отделении милиции три с половиной часа, прежде чем ему разрешили уйти. Когда заявитель потребовал компенсации морального вреда, причиненного действиями государственных должностных лиц, национальные суды отклонили его требования как необоснованные.

52. Суд отмечает, что стороны разошлись во мнениях относительно того, был ли заявитель лишен свободы, находясь в отделении милиции (см. пункты 34 и 42 выше). Однако он не видит необходимости в рассмотрении этого вопроса, поскольку существенный факт в контексте его анализа дела с точки зрения статьи 10 Конвенции заключается в том, что заявитель подвергался мерам принуждения со стороны милиции после выражения своего мнения.

53. Суд считает требование о том, чтобы заявитель прошел в отделение милиции для «профилактической беседы» с начальником отделения (см. пункт 9 выше), как прямое следствие его действий. Власти не дали никакого объяснения относительно цели этой «профилактической беседы», однако сама формулировка подразумевает, что по крайней мере одна из ее целей заключалась в том, чтобы предотвратить подобные действия в будущем, убедив заявителя воздерживаться от повторения своего поведения. По мнению Суда, тот факт, что сотрудники милиции в форме пригласили заявителя пройти в отделение милиции для «профилактической беседы», и что заявитель впоследствии прождал начальника отделения милиции три с половиной часа, имел «сдерживающее воздействие» на осуществление его свободы выражения мнения, поскольку это могло отбить у него охоту высказывать мнение об истории Адыгей в будущем (см. *mutatis mutandis*, постановление Большой Палаты по делу «Вилле против Лихтенштейна» (*Wille v. Liechtenstein*), жалоба № 28396/95, пункт 50, ECHR 1999-VII и постановление Большой Палаты от 23 июня 2016 года по делу «Бака против Венгрии» (*Baka v. Hungary*), жалоба № 20261/12, пункт 173).

54. Суд отмечает аргумент, выдвинутый городским судом (см. пункт 21 выше) и впоследствии повторенный Властями (см. пункт 33 выше), в обоснование необходимости положить конец действиям заявителя, а именно, что заявитель носил темную одежду стоя рядом с детьми. По мнению Суда, это не является ни «значительным», ни

«достаточным» основанием для рассматриваемого вмешательства. Власти также утверждали, что действия заявителя не соответствовали «цели публичного мероприятия» (см. пункт 36 настоящего постановления), подразумевая, что на праздничном митинге допускаются только определенные мнения, что противоречит принципам плюрализма, толерантности и широты мнений, без которого «демократического общества» быть не может (см., среди многих других источников, постановление Большой Палаты от 29 марта 2016 года по делу «Бедат против Швейцарии» (*Bédât v. Switzerland*), жалоба № 56925/08, пункт 48). Власти также утверждали, что было необходимо вывести заявителя из толпы, чтобы установить его личность и «[уточнить] обстоятельства, связанные с содержанием его плаката» (см. пункт 37 выше), однако они не привели никаких причин объясняющих, почему было необходимо установить личность человека, который молча держал плакат с написанным на нем безобидным вопросом, и уточнить значение этого вопроса. Власти не утверждали, что действия заявителя вызывали или оправдывали насилие, ненависть или нетерпимость (см. постановление Большой Палаты по делу «Перинчек против Швейцарии» (*Perinçek v. Switzerland*), жалоба № 27510/08, пункт 204, ECHR 2015 (извлечения)). Таким образом, Суд не усматривает какой-либо «насущной социальной потребности», способной оправдать пресечение действий заявителя.

55. Суд отмечает предположение Властей о том, что заявитель мог выбрать другое место или время для выражения своего мнения (см. пункт 38 выше). Однако вопрос на плакате заявителя касался самой сути праздничного собрания митинга. Суд уже устанавливал в контексте статьи 11 Конвенции, что цель собрания часто связана с определенным местом и/или временем (см. постановление Суда от 7 февраля 2017 года по делу «Лашманкин и другие против России» (*Lashmankin and Others v. Russia*), жалоба № 57818/09 и 14 других жалоб, пункт 405), и что место, выбранное для собрания, является важным, чтобы участники собрания могли надлежащим образом реализовать свое право на свободу выражения мнения, предложить общественности подумать о своих идеях и проинформировать общественность о вопросах, важные для общества, и открыто выражать свои идеи (см. постановление Суда от 24 мая 2016 года по делу «Сулейман Челеби и другие против Турции» (*Süleyman Çelebi and Others v. Turkey*), жалоба № 37273/10 и 17 других жалоб, пункт 109). Ранее Суд неоднократно отмечал, что в сфере политических дебатов гарантии, предусмотренные статьями 10 и 11 Конвенции, часто дополняют друг друга (см., среди прочих, постановление Большой Палаты от 15 ноября 2018 года по делу «Навальный против России» (*Navalnyy v. Russia*), жалоба № 29580/12 и 4 другие жалобы,

пункт 102). По его мнению, этот подход применим в контексте настоящего дела. Таким образом, Суд считает, что время и место, которые заявитель выбрал для своих действий, имели особое значение с точки зрения сообщения, которое он стремился передать.

56. С учетом вышеизложенного Суд полагает, что Власти не привели каких-либо убедительных аргументов, чтобы доказать, что существовала «насушная социальная потребность» в том, чтобы прервать действия заявителя, а затем сопроводить его в отделение милиции и заставить его там ждать в течение трех с половиной часов (сравните с упоминаемым выше постановлением по делу «Новикова и другие против России», пункт 219). Напомнив что пункт 2 статьи 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения выражения политического мнения или обсуждения вопросов, представляющих общественный интерес (см. упоминаемое выше постановление по делу «Перинчек против Швейцарии», пункт 197; см. также постановление Суда по делу «Станков и Объединенная организация Македонии Илинден против Болгарии» (*Stankov and the United Macedonian Organisation Ilinden v. Bulgaria*), жалобы №№ 29221/95 и 29225/95, пункт 88, ECHR 2001-IX), Суд считает, что вмешательство в право заявителя на свободу выражения мнения не было «необходимым в демократическом обществе».

57. Вышеизложенных соображений достаточно для того, чтобы Суд мог прийти к выводу о нарушении статьи 10 Конвенции.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

58. Заявитель жаловался на то, что он был незаконно лишен свободы сотрудниками милиции в нарушение статьи 5 Конвенции.

59. Принимая во внимание вышеизложенный вывод относительно статьи 10 Конвенции, Суд считает, что необходимость проверять, была ли статья 5 Конвенции применима в деле заявителя и была ли она нарушена, отсутствует (см. упоминаемое выше постановление по делу «Новикова и другие против России», пункт 227).

IV. ПРОЧИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

60. Наконец, заявитель жаловался: ссылаясь на статью 3 Конвенции, на то что сотрудники милиции применили к нему силу; ссылаясь на статью 6 Конвенции, на несправедливость судебного разбирательства; и ссылаясь на статью 13 Конвенции, на отсутствие эффективных внутригосударственных средств правовой защиты.

61. Принимая во внимание все имеющиеся в его распоряжении материалы, и в той мере, в какой данные жалобы находятся в его компетенции, Суд заключает, что признаки нарушения прав и свобод,

изложенных в Конвенции либо Протоколах к ней отсутствуют. Из этого следует, что данная часть жалобы должна быть отклонена как явно необоснованная в соответствии с подпунктом «а» пункта 3 и пунктом 4 статьи 35 Конвенции.

V. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

62. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

A. Ущерб

63. Заявитель требовал 45 евро в качестве компенсации материального ущерба. Никаких документов в обоснование таких расходов заявитель не предоставил.

64. Заявитель также требовал 25 000 евро в качестве компенсации морального вреда.

65. Комментируя требования заявителя в отношении материального ущерба и морального вреда, Власти отметили, что заявитель не представил доказательств в обоснование требования о компенсации материального ущерба, и сочли, что сумма, требуемая в отношении компенсации морального вреда, является чрезмерной. Власти предложили, что если Суд установит нарушение Конвенции в настоящем деле, то сам факт установления нарушения будет являться достаточной справедливой компенсацией.

66. В письме от 13 мая 2019 года (см. пункт 27 выше) Власти утверждали, что «Гошнаго Милиновой не следует присуждать компенсацию материального ущерба или морального вреда» ввиду непередаваемого характера прав, гарантированных статьями 5 и 10 Конвенции.

67. Суд отмечает, что требование компенсации материального ущерба не было подтверждено документальными доказательствами; поэтому он отклоняет его. В то же время Суд отмечает, что он уже признал, что Милинова может добиваться рассмотрения жалобы от имени ее покойного мужа (см. пункты 28-29 выше). В отношении морального вреда Суд считает, что заявителю и его вдове был причинен такой вред, и что он не может быть компенсирован одним лишь установлением факта нарушения (см. упоминаемое выше постановление по делу «Далбан против Румынии», пункт 59). Таким образом, Суд считает целесообразным присудить заявителю 9 750 евро

в качестве компенсации морального вреда, причиненного в результате установленного выше нарушения статьи 10 Конвенции. Эта сумма должна быть выплачена наследнице заявителя Гошнаго Асланчериевне Милиновой.

В. Расходы и издержки

68. Заявитель также требовал следующие суммы в качестве возмещения расходов и издержек, понесенных в ходе разбирательств в национальных судах и в Европейском Суде: (а) 630 рублей (приблизительно 14 евро) в качестве возмещения оплаты за медицинское освидетельствование для регистрации полученных травм 26 сентября 2007 года; (б) 100 рублей (приблизительно 2 евро) в качестве компенсации судебного сбора при рассмотрении дела в во внутривосударственном суде; (в) 8 709 рублей (приблизительно 202 евро) в отношении почтовых сборов, связанных с разбирательством в Страсбургском суде (заявитель приложил квитанции, подтверждающие, что он заплатил 5 147 рублей — приблизительно 120 евро); (г) 9 000 рублей (приблизительно 208 евро) в качестве возмещения оплаты за перевод (заявитель не приложил соответствующие счета); (д) 7 050 евро в качестве возмещения гонорара его адвоката за разбирательство в Суде, что соответствует 141 часам работы по почасовой ставке 50 евро.

69. Власти отметили, что заявитель не представил доказательств, свидетельствующих о том, что он понес расходы в размере 7 050 евро — суммы, требуемой в качестве возмещения вознаграждения адвоката.

70. В соответствии с прецедентным правом Суда, заявитель имеет право на возмещение судебных расходов и издержек только в той мере, в какой им было доказано, что такие расходы и издержки действительно имели место, были понесены по необходимости и являлись разумными с точки зрения их размера. В настоящем деле, принимая во внимание имеющиеся в его распоряжении документы и вышеуказанные критерии, Суд считает целесообразным присудить заявителю 850 евро, покрывающую расходы по всем статьям; эта сумма подлежит перечислению непосредственно на банковский счет представителя заявителя.

С. Процентная ставка при просрочке платежа

71. Суд считает, что процентная ставка при просрочке платежей должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки Европейского Центрального банка плюс три процентных пункта.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. *постановил*, что вдова заявителя имеет право продолжать разбирательство по делу вместо заявителя;
2. *постановил*, что необходимость в рассмотрении жалобы на нарушение статьи 5 Конвенции отсутствует;
3. *признал* жалобу на нарушение статьи 10 Конвенции приемлемой, а остальную часть жалобы — неприемлемой;
4. *постановил*, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции;
5. *постановил*,
  - (а) что в течение трех месяцев государство-ответчик обязано выплатить указанные ниже суммы, переведенные в валюту государства-ответчика по курсу, установленному на день выплаты:
    - (i) 9 750 (девять тысяч семьсот пятьдесят) евро плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, в качестве компенсации морального вреда; эта сумма подлежит выплате наследнице заявителя Гошнаго Асланчериевне Милиновой;
    - (ii) 850 (восемьсот пятьдесят) евро в качестве возмещения расходов и издержек, плюс любой налог, которым может облагаться данная сумма, которая подлежит перечислению на банковский счет представителя заявителя;
  - (б) что с момента истечения вышеуказанного трехмесячного срока до момента выплаты компенсации на данные суммы начисляются простые проценты в размере, равном предельной учётной ставке Европейского Центрального банка в течение периода просрочки плюс три процентных пункта;
6. *отклонил* остальные требования заявителя о справедливой компенсации.

Совершено на английском языке; уведомление о постановлении направлено в письменном виде 24 сентября 2019 года в соответствии с пунктами 2 и 3 правила 77 Регламента Суда.

Стефен Филлипс
Секретарь

Пауло Пинто де Альбукерка
Председатель